

монахов в форме наставлений. Сам жанр данной литературы не предполагает изложение подробных исторических сведений о монастырях, однако именно из них мы черпаем информацию по истории и топографии монастырей, а также жизнеописания их знаменитых насельников.

Наиболее информативным источником о жизни монастырей Иудейской пустыни являются труды Кирилла Скифопольского (524–558): житие преподобного Евфимия Великого (в монастыре которого Кирилл прожил около 10 лет), а также жития преподобных монахов Саввы Освященного, Кириака, Феодосия, Романа, Феогноста и Иоанна Исихаста. Другим не менее значимым и информативным источником является труд блаженного Иоанна Мосха (550–619) «Луг духовный», который представляет собой сборник рассказов из жизни монахов в разных монастырях Иудейской пустыни. Следует отметить, что сам Иоанн путешествовал по этим монастырям и записывал рассказы о жизни их насельников. Третьим источником, повествующим о жизни в монастырях Иудейской пустыни, является труд анонимного монаха, посвященный биографии некоего Харитона. Автор данного труда жил в основанной Харитоном лавре. «Житие монаха Герасима» приписывалось ранее Кириллу Скифопольскому, но на самом деле было написано анонимным монахом, использовавшим отрывки из трудов Кирилла. Данное произведение повествует о жизни монахов в лавре Герасима. Более поздний источник – житие Георгия Хозевита, написанное его учеником Антонием, – повествует о жизни Хозевитской общины с начала V в. вплоть до второго года после персидского завоевания в 611 г.

В исторических же произведениях, как, например, в «Историях» Созомена (400–450) и Евагрия Схоластика (536–594), монастыри Иудейской пустыни упоминаются всего лишь вскользь. Больше сведений о монастырях приводит Прокопий Кесарийский (500–565) в своем трактате «О постройках», в котором он разбирает строительную деятельность императора Юстиниана I Великого (527–565).

Все перечисленные источники, как археологические, так и письменные, в совокупности предоставляют нам достаточно объемную информацию о местах расположения и особенностях внутренней жизни ранневизантийских монастырей Иудейской пустыни.

Ю. Б. Мантова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

Инвективные стратегии в творчестве Иоанна Цеца

Античная инвективная поэзия и прозаический псогос давно являются предметом исследовательского интереса и прекрасно изучены. Византийский

же извод подобной литературы, напротив, очевидно нуждается во внимании научного сообщества. Существовавшие до последнего времени публикации были посвящены отдельным памятникам, и, кроме того, сконцентрированы лишь на риторическом аспекте тех произведений, которые изначально создавались в рамках инвективной литературы с оглядкой на соответствующий античный жанр, который мы предлагаем условно обозначить как «ученую» инвективу.

В качестве отличительного признака такой инвективы Аристотель предлагает видеть ясное наличие цели – нейтрализовать оппонента. При этом нападки могут сопровождаться юмором, а могут обходиться и без него. Однако, с лексической точки зрения, более важное наблюдение зафиксировано у Платона, который выделял две формы *ιατρική ιδέα*: с яростью (*σὺν θυμῷ*) и без ярости (*ἄνευ θυμοῦ*), которые имели разные цели¹. При этом, с точки зрения языка, оказывается, что вокабуляр, использовавшийся в двух разных ситуациях, был одним и тем же. Другими словами, не было двух разных лексических пластов, предназначенных для обыденной ругани и литературных поношений.

А какова была ситуация в Византии? Согласно нашим привычным представлениям, положение дел, вероятнее всего, было совсем иным, поскольку дистанция между «ученой» письменной традицией и устной речью традиционно воспринимается как одна из основных особенностей византийской культуры. Тем не менее, последние исследования говорят о том, что литературный процесс и язык «ученой» литературы в средневизантийский период развивались гораздо более противоречиво, чем об этом принято думать.

Попытка отойти от жесткой дихотомии между классическим и «народным» греческим в литературных памятниках была представлена в сборнике статей, вышедшем под редакцией М. Хинтербергера.² Однако действительным прорывом в этой области следует считать серию работ П. Агапитоса, посвященных самым значительным авторам XII в., в число которых входит и Иоанн Цец³. П. Агапитос убедительно доказывает, что Цец сознательно и намеренно использовал просторечные, обиходные слова в своих произведениях. Такой художественно-стилистический прием выполнял несколько функций. В частности, употребление «народных» слов играло важную роль в инвективной практике Цеца. Находясь в условиях жесткой борьбы за внима-

¹ *Kloster S.* Die Invektive in der Griechischen und Römischen Literatur. Meisenheim am Glan, 1980. S. 7-11.

² The Language of Byzantine Learned Literature / Ed. by M. Hinterberger. [Studies in Byzantine History and Civilization, 9]. Turnhout, 2014.

³ *Agapitos P.* John Tzetzes and the Blemish Examiners: a Byzantine Teacher on Schedography, Everyday Language and Writerly Disposition // *Medioevo Greco*. 2017. № 17. P. 1–57.

ние и благосклонность при дворе, Иоанн был вынужден и защищаться от нападков конкурентов, и сам наносить удары. Обращая к соперникам обиходные ругательства, он достигал дополнительной инвективной силы, поскольку и грубо оскорблял их, и одновременно пародировал их увлеченность «народным» языком, которым они, в отличие от Цеца, не умели правильно пользоваться и употребляли его там, где это недопустимо¹.

Помимо привлечения элементов обиходного языка, Иоанн Цец применял инвективную стратегию, широко использовавшуюся Аристофаном, а именно, моральное уничтожения противника при помощи мощного комического эффекта, который достигается смешением стилей и языковых регистров. Схолии Иоанна к изданию его «Историй»² полны самых что ни на есть площадных ругательств в адрес писца, готовившего рукопись и допустившего некоторые ошибки. Заканчивая чтение манускрипта, Цец посвящает этому писцу целое инвективное стихотворение, завершающееся центоном из Гомера³, подобно тому, как это делает Аристофан в концовке комедии «Мир»⁴. Однако, что касается лексики вне центона, следует отметить, что использованные автором оскорбления отнюдь не были напрямую заимствованы из древней комедии. Часть их следует воспринимать, скорее, как перевод античных слов на современный Цецу язык, а часть, вероятно, относится к его собственным изобретениям. Таким образом, действительно можно говорить о применении стратегии Аристофана, но тактику Иоанн, несомненно, вырабатывал самостоятельно.

Наконец, один из самых удивительных примеров инвективной изобретательности Цеца содержится в его ямбическом стихотворении, посвященном воспитанию детей⁵. Как и в случае с язвительными выпадами, отмеченными Агапитосом в письмах и в «Историях», в этом стихотворении Цец снова ополчается на неких риторов и учителей, которые, по его мнению, ничего не понимают в своем искусстве и, сверх того, воруют у настоящих авторов их труды. Возмущаясь тем, что именно такие люди имеют успех при дворе и обеспечивают себе благополучную жизнь, Цец саркастически призывает родителей воспитывать своих детей в невежестве, праздности и распущенности. Обличая современное ему общество, автор сообщает, что соответствующее воспитание – залог успеха в жизни. Такой прием создает определенный комический эффект и, конечно же, служит восхвалению, т.е., в некотором смысле, рекламе, услуг самого Цеца, поскольку он имплицитно включен в

¹ Ibid. P. 56–57.

² Ioannis Tzetzae historiae / Ed. P.L.M. Leone. Napoli, 1968. P. 545–602.

³ Ibid. P. 601–602.

⁴ Arph. Pax, 1090–1093, 1097–1098.

⁵ Leone P.L.M. Ioannis Tzetzae Iambi // Rivista di studi bizantini e neoellinici. 1969–1970. № 6–7. P. 134–144.

партию «неуспешных» учителей, которым свойственны высокие моральные качества и которые обладают настоящими глубокими знаниями.

Кроме того, для того, чтобы окончательно разгромить своих противников, он вырабатывает особую стратегию двойной инвективы. Перечисляя слова, которые в Античности были тесно связаны с жанром псогоса и воспринимались как оскорбления (*βάναντος, χοῖρος, κύων*), Цец заявляет, что в мире всех этих перечисленных персонажей действуют строгие законы логики и справедливости. Если ремесленник совершает оплошность и некачественно выполняет свою работу, его порицают и над ним насмеваются, но вот в мире словесных искусств все происходит ровно наоборот: на вершине успеха тот, кто невежествен, развратен и груб.

Таким образом, плохие поэты не просто сравниваются с целым рядом самых оскорбительных персонажей, но и оказываются значительно хуже их всех. Примечательно, что в данном произведении подавляющее большинство инвективных терминов все же относится к классическому языку, что заставляет задуматься о замысле автора, о той *οἰκονομία*, которой он руководствовался в данном случае. Вероятно, ритор стремился продемонстрировать разноеобразие своих талантов, поскольку на этот раз он расправляется со своими оппонентами, не покидая пределов высокой словесности.

Мастерски владея приемами античной инвективной традиции, Иоанн Цец далеко не всегда следует всем ее правилам, находя свои собственные, глубоко индивидуальные средства художественного выражения. Использование всех регистров языка, употребление просторечных слов, изобретение новых оскорбительных терминов, свободная игра с традицией – отличительные черты инвективы в творчестве Цеца, которые позволяют нам развить наши представления об эволюции византийской литературы в целом.

И. П. Медведев

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

**Об одном неизвестном эпизоде из истории византиноведческих
связей Петербургской Академии наук и Афинского университета
(середина XIX столетия)**

В свое время нам уже приходилось касаться темы тесного научного взаимодействия русских и греческих, а именно – питерских и афинских ученых византинистов, особенно в конце XIX – начале XX вв., когда эти взаимоотношения достигли пика в своем развитии. Тем не менее, попытки установить научные связи между Петербургской Академией наук и Афинским университетом делались, как оказывается, и раньше (в частности, в середине XIX в.), об одной из которых нам и предстоит рассказать.